

ПРИОРИТЕТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦИК РОССИИ (ЧЕТЫРЕ ИНТЕРВЬЮ С ЭЛЛОЙ ПАМФИЛОВОЙ)

***Аннотация.** Публикуется подборка интервью Председателя ЦИК России, Председателя Редакционного совета журнала «Гражданин. Выборы. Власть» Э.А. Памфиловой. Высокая степень научно-практической значимости материала обусловлена содержащимися в нем идеями и предложениями относительно совершенствования электоральных практик. Определяемые приоритеты и основные направления деятельности ЦИК России в условиях актуальных политико-правовых реалий призваны способствовать уточнению проблематики перспективных научных исследований в области избирательного права и процесса.*

***Ключевые слова:** ЦИК России, выборы, избирательный процесс, избирательное законодательство, избирательная система.*

PRIORITIES IN THE CEC OF RUSSIA'S ACTIVITY (FOUR INTERVIEWS WITH ELLA PAMFILOVA)

***Abstract.** It is a compilation of interviews with the Chairman of the CEC of Russia and the Chairman of the Editorial Board of the journal "Citizen. Elections. Power" Ella .A. Pamfilova. A high degree of scientific and practical significance of the material is due to the ideas and proposals contained in it regarding the improvement of electoral practices. The identified priorities and main directions of the CEC of Russia's activity in the context of current political and legal realities are intended to clarify the problems of promising scientific research in the field of electoral law and process.*

***Keywords:** CEC of Russia, elections, electoral process, electoral law, electoral system.*

ЭЛЛА ПАМФИЛОВА: «МЫ НЕ СУЕТИМСЯ И НЕ ВЫМОГАЕМ ЧЬЮ-ТО ЛЮБОВЬ»¹

Ситуация перед выборами 8 сентября выглядит более напряженной, чем перед прошлогодним единым днем голосования, и прежде всего это связано с выборами в Мосгордуму. Ожидали ли вы на старте кампании в Москве, что она станет одной из главных политических тем сезона?

Элла Памфилова: Санкции, общемировой кризис, сложные социальные и экономические процессы, которые идут внутри страны — все это создает

¹ Печатается по: Галанина А. **Элла Памфилова:** «Мы не суетимся и не вымогаем чью-то любовь». Коммерсантъ. 5 сентября 2019. № 160.

благоприятную среду для недовольства деятельностью властей. А выборы были использованы лишь как предлог для того, чтобы периодически выводить людей на улицу с нарастающим эффектом, запустив этаким перманентный процесс. Не было бы выборов в Мосгордуму — нашелся бы другой, еще более эмоционально-чувствительный повод... Другое дело, что столичные избиркомы дали этот повод, откровенно подставились, и не смогли сдержать удар.

Для нас стала неприятным сюрпризом просто буря информационная — о том, что «правильные» кандидаты прилежно собирали подписи избирателей, а их велено не пускать на выборы, поскольку они грозные оппозиционеры, и власть их страшно боится. Сюрпризом — так как Москва в последние годы была впереди всех регионов по созданию уровня прозрачности на выборах. Мы все время пропагандировали среди других регионов достигнутый последние годы «московский стандарт» выборов. Ничто до поры до времени не предвещало этой рукотворной бури, пока почти два десятка «правильных» оппозиционных кандидатов не выкатили ЦИК ультиматум: «Требуем нас всех зарегистрировать без индивидуальных проверок, поскольку подписи мы собирали, и этого достаточно. Иначе — митинги и протесты». Причем этот ультиматум был выдвинут заранее, как предупредительная мера против последующих возможных отказов в регистрации.

Предположим, общество готово поверить в то, что подписи отказников честно отбракованы. Но никто не видел, как собрали подписи остальные...

Элла Памфилова: Отказано было не только оппозиционерам, по таким же основаниям не были зарегистрированы и 44 лояльных или нейтральных к власти кандидата. Кто имеет право судить? Что было и чего не было? Я не знаю никого, кто обладает полной и объективной информацией о том, кто и как собирал подписи. Я неоднократно просила всех предоставить мне материалы по нарушениям, мне ссылались на посты в социальных сетях или сомнительные ролики в Интернете. Это можно было бы простить новичкам, но, к сожалению, даже «заслуженные борцы с властью» не инициировали никаких расследований. Что тоже вызывает вопросы.

При этом раскручивался стереотип, что в комиссии сидят только послушные власти люди, что является неправдой. В составе московских ОИК есть представители 25 партий и разных общественных организаций. Там по 45 человек от Единой России и остальных парламентских партий, а 34 — от Зеленых, 27 — от Гражданской силы, 23 — от Яблока, 21 — от КПСС, 20 — от Союза Горожан, и так далее. По идее это уже должно обеспечивать одинаковое отношение к проверке кандидатов. Почему они все молчали, если действительно были какие-то нарушения — неправильно принимали документы или проверяли подписи? Как подписывались протоколы? До начала регистрации в ЦИК не поступило ни одного сигнала ни от партий, ни от членов ОИК и МГИК, ни от оппозиции. Поэтому все разговоры о нарушениях, которыми

как доказательствами оперируют сейчас, не подтверждены ни заявлениями в правоохранительные органы, ни жалобами в ЦИК.

Как вы считаете, принималось ли специальное политическое решение о недопуске кандидатов несистемной оппозиции в Москве? Это результат формальной оценки подписей или все-таки управленческий просчет?

Элла Памфилова: У меня такой информации нет. До меня точно подобные «решения» никто никогда не доводил ни по каким каналам и ни по каким выборам.

Ни то, ни другое. Во-первых, примерно половина кандидатов от несистемной оппозиции была зарегистрирована и полноценно участвует в выборах. Не менее десяти человек. А примерно второй половине из этой группы — двенадцати — было отказано. Судя по тем грубым ошибкам, которые допустили наши видные оппозиционеры, мне трудно представить, что люди с юридическим образованием, имея в ряде случаев самоуверенных представителей, могли их допустить нечаянно. Или это осознанно было сделано, понимая, что вот эти крючочки, которые они заложили, не позволят их зарегистрировать? Или это недопустимая небрежность? Митинги стали использоваться как шантаж. Кстати, многие из вышедших на улицу не знали даже фамилий своих кандидатов. Они и Русакову не узнали, которая стояла с плакатом в пикете.

Одно дело митинги, а другое — явка на выборы. Как вам кажется, вырос ли интерес избирателей к выборам в МГД?

Элла Памфилова: Жаль, когда явка повышается не по сути выборов, а в связи со скандалами. Другое дело — высокая конкуренция, участие сильных кандидатов, проведение между ними реальных дебатов, рождение глубоких и интересных, современных идей, увлекающих за собой избирателя. Это составляющие интересной кампании, но это уже не наша часть работы. Кстати, конкуренция на этих выборах довольно высокая.

Ответ системы в Москве на протесты свелся к регистрации Сергея Митрохина. Как лично вам кажется, это достаточный ответ на всплеск общественной активности?

Элла Памфилова: Не соглашусь с Вами. Регистрация Митрохина — это не прогиб под митинги. Никто не собирался прогибаться под политическую конъюнктуру или внешнее давление. Мы все время говорили, что если будут основания, то регистрируем всех. Если бы Митрохин дошел до нас, мы бы тоже его зарегистрировали, потому что его документы и собранные подписи отвечали требованиям закона. Он грамотно и без пустозвонства

занимался защитой своих прав. Это могли бы сделать и остальные, но, видимо, понимая, что их подписи и документы оставляют желать лучшего, некоторые предпочли завуалировать это шумным перфомансом. Хотя ряд незарегистрированных кандидатов все же вызвали уважение: хорошо работали представители Гудкова, а в списках Брюхановой, например, не было ни одной мертвой души. Очень жаль, что не смогли вернуть Русаковой около трех десятков подписей, поскольку была не техническая ошибка нотариуса, а прямое нарушение закона. Слабенькие аргументы были у представителя Яшина, а люди Соболев вообще не работали, зато громче декларируют лозунги и оскорбления, не давая никому высказаться. Помимо того, что они представили несостоятельную во всех отношениях «экспертизу» подписей, у нее еще неправильно была оформлена антикоррупционная справка — Соболев оставила пустой графу обязательства по отношению к зарубежному имуществу у себя, у супруга и несовершеннолетних детей. Она посчитала, что эта пустота — весомый аргумент. А когда она едет за границу и заполняет документы на визу и таможенную декларацию, — тоже оставляет пустоты?

Будут ли сделаны оргвыводы на уровне ОИК, которая дважды забрала подписи Митрохина, в итоге признанные годными?

Элла Памфилова: Конечно, и не только в данном случае. По итогам выборов проведем полный всесторонний анализ правомерности действий как московских комиссий, так и ряда комиссий в других регионах. С определенными выводами. На уровне ЦИК мы вернули этим кандидатам огромное количество подписей, если это было связано с техническими ошибками. Это тоже повод задуматься о качестве работы нижестоящих комиссий. К сожалению, их все равно не хватило для регистрации, а у ряда кандидатов были и другие, помимо подписей, основания для отказа в регистрации. Во всех этих случаях отказ в регистрации был связан не с техническими ошибками, а прямым нарушением или неисполнением требований закона, предъявляемых к регистрации.

После несанкционированных акций считаете ли вы возможным включение несистемной оппозиции в широкое обсуждение реформы избирательного законодательства?

Элла Памфилова: Конечно. Наши двери для всех заинтересованных, в том числе и для них открыты, и когда пройдут выборы, приглашаем всех желающих к совместному обсуждению предложений, направленных на совершенствование избирательного процесса. Мы заинтересованы в предметном разговоре.

В чем эта реформа могла бы состоять? В создании избирательного кодекса, но насколько оно возможно, учитывая, что против выступают обе палаты парламента?

Элла Памфилова: Проекта избирательного кодекса еще нет, есть один из вариантов, который разрабатывается по инициативе Российского фонда свободных выборов. С нашей стороны по этому поводу не было никаких установок, мы в этот процесс пока не вмешиваемся. Знаю, там и другие экспертные группы готовят свои предложения, а кто-то и вовсе считает, что избирательный кодекс не нужен. Мы пока этот вопрос отпустили в свободное плавание, а когда придет время, соберем экспертов и посмотрим, что уже наработано, будем выносить предложения на рабочую группу в Администрацию Президента. Пока об этом процессе говорить рано, мы вернемся к нему не раньше конца октября.

Одной из новелл проекта кодекса, представленного политфаком МГУ, является возвращение в бюллетень графы «против всех». Насколько вам это кажется проходной инициативой?

Элла Памфилова: В 1990-е я была одним из инициаторов введения этой графы, но сейчас другие времена — надо обсуждать с экспертами. Когда есть высокий уровень конкуренции и в избирательной кампании представлены интересы всех групп населения, тогда эта графа не нужна. И другое дело, если избиратели не видят своего кандидата в бюллетене, но они активны и хотят выразить свою гражданскую позицию по этому поводу, тогда графа против всех очень актуальна.

Можно ли говорить об актуальности графы «против всех» на этих выборах в Мосгордуму?

Элла Памфилова: Если отбросить весь информационный шум, то на выборах в Мосгордуму довольно высокая конкуренция. Практически пять человек на одно место. Представлено огромное количество партий, присутствует радикальная оппозиция в разных округах. Выбор есть. Главное — им разумно распорядиться.

В проекте кодекса также содержится предложение о возврате избирательного залога. С такой же инициативой выступает сопредседатель «Голоса» Андрей Бузин. На ваш взгляд, это поможет неудобным власти кандидатам зарегистрироваться или же наоборот приведет к тому, что кандидаты будут ориентироваться не на работу с избирателем, а на поиск финансовых ресурсов?

Элла Памфилова: У кандидата тоже должно быть право выбора. Чтобы каждый исходил из своих возможностей и своего потенциала. Оценил, что для него будет более приемлемо и эффективно. Я против того, чтобы жестко загонять кандидатов в одно русло, поэтому не отвергаю ни то, ни другое, ни третье. Пусть работает все вместе.

Нужно ли ЦИК России наделить правом законодательной инициативы?

Элла Памфилова: Это не принципиально. Вопрос не столько в праве законодательной инициативы, сколько, с одной стороны, в умении ЦИК находить болевые точки в законодательстве и затем четко, подкрепляя фактами, аргументировать свою позицию перед законодателями, а с другой стороны — способность законодателя услышать эти аргументы. Если наши доводы не сочтут убедительными, тогда неважно, есть у нас право самостоятельно вносить законопроекты или нет.

Но это ускорило бы процесс прохождения законопроектов, не было бы таких ситуаций, как в этом году с поправками по смягчению муниципального фильтра. Вас разочаровало бездействие парламентских фракций, которые вовремя не внесли. Будете ли и дальше поддерживать снижение его верхней планки с 10 до 5 процентов?

Элла Памфилова: Глубоко убеждена, что эта проблема не только назрела, но и перезрела. В ряде регионов, где муниципальный фильтр очень высокий, его надо обязательно снижать. Без реальной конкуренции политический процесс загибается, снижается качество управления. В результате проблемы людей не решаются: не ремонтируются дороги, крыши, сельские больницы. И вопросы, которые должны решаться на региональном и муниципальном уровнях, вываливаются на прямую линию Президента. Муниципальный фильтр должен не допускать до выборов случайных людей, криминальные структуры, политических проходимцев, но ни в коем случае не ограничивать возможности кандидатов, за которыми есть реальные дела и поддержка избирателей. Мы давно подготовили пакет с предложениями по смягчению муниципального фильтра и представим его законодателю в конце года. Также подумаем о том, как можно расширить возможности наблюдателей, привести их работу к единому знаменателю.

Кроме Москвы, выборы проходят еще в целом ряде регионов. Политологи отмечают сравнительное снижение роли партий — пусть это иногда и выглядит как формальное решение, например, ЕР, не выдвигать кандидатов на выборах в МГД, а прибегнуть к самовыдвижению. Будет ли, по-вашему, эта тенденция развиваться? Ждет ли реформа российскую партийную систему?

Элла Памфилова: У нас никогда не было такого либерального законодательства в отношении партий, как сейчас. Создать партию как раз плюнуть. Казалось бы, имеются все условия для партийного развития, но реально действующих партий становится все меньше. Появляются партии-однодневки, партии бизнес-проекты, которые ориентированы на зарабатывание денег. Минюст увидел, что многие партии не участвуют в выборах. Но «чистить» списки в данном случае лучше не силовыми методами, а процессом естественного отбора, который уже начался. Выживут сильнейшие — те, которые смогут увлечь людей своей стратегией и идеями.

В этом году ЦИК проводит эксперимент по дистанционному электронному голосованию. Во время его тестирования система давала сбои, не запускалась процедура расшифровки голосов, даже был зафиксирован взлом ключа шифрования. Есть ли у вас гарантии, что в день голосования такого не повторится?

Элла Памфилова: Эксперимент как раз и предполагает выявление слабых сторон. Поэтому думать о том, где недоработали, будем уже по его итогам. Так как дистанционное голосование будет проходить всего в трех округах Москвы, это никоим образом не повлияет на результаты общего голосования. К тому же участие в этом эксперименте не является обязательным для избирателя. Он это может сделать добровольно, если захочет. Внимательно будем наблюдать за ситуацией на цифровых участках: если там все пройдет удачно, то в будущем году их будет создано не 30, а 2,5 тысячи по всей стране, а к 2021-му году появится не менее 5 тысяч.

А не кажется ли вам странным начинать сразу с внедрения электронного голосования, что является очень сложным процессом? Возможно, правильнее было бы начать с малого — перевести в электронный формат сбор подписей?

Элла Памфилова: Одно другому не мешает. Скандал вокруг выборов в Мосгордуму проявил накопившиеся много лет проблемы в системе сбора и проверки подписей. Ее надо обязательно упрощать и осовременивать, и мы уже начали предварительно готовить, несмотря на то, что сейчас горячая пора, пакет предложений, по процессу сбора и проверки подписей. Надо сделать более однозначной саму процедуру проверки подписей, чтобы не было возможности толковать ее в ту или иную сторону. И мы предусматриваем, в том числе использование государственного портала услуг для сбора подписей в электронном виде. Вопрос только в том, что надо расширять охват этого портала, потому что сейчас он составляет менее половины избирателей страны. К концу октября мы подготовим этот пакет предложений.

Вы занимали разные должности, сейчас возглавляете ЦИК России. Когда вы приходили в ЦИК, то говорили, что если не справлюсь с нарушениями, то готова покинуть пост. Вам комфортно, Вы удовлетворены результатами своей работы?

Элла Памфилова: Комфортно мне сидеть вот на этом диване. Мягкий, сел и прямо сразу захотелось подремать. А если человек, занимающий должность, говорит, что ему очень комфортно, что он удовлетворен своей работой, то немедленно надо его гнать или он сам должен уходить. Потому что уже не будет никакого развития, это полный застой, когда человек сидит довольный собой. Естественно, я не могу быть довольна, здесь у меня нет никакого комфорта. У меня есть друзья среди артистов, режиссеров, художников, поэтов, они меня приглашают на свои творческие вечера, но я забыла, что это такое...

Я оцениваю, что мы с коллегами работаем весьма эффективно, поскольку за прошедшие три года столько всего разгребли, что позволили многим членам участковых избирательных комиссий почувствовать себя людьми. Мы яростно боремся с применением административного ресурса на всех уровнях, поэтому нажили врагов среди ряда региональных чиновников, которые привыкли работать по старинке. Любить нас сложно, со всех сторон получаем массу претензий: оппозиция желает, чтобы мы были более радикальны, другие обвиняют в том, что мешаем им делать то, что они привыкли. Мы не суетимся и не вымогаем чью-то любовь. Твердо, последовательно, не оглядываясь ни на кого, чистим избирательную систему, работая на наших избирателей. Только недалекие чиновники и горе-политтехнологи не понимают, что нынешний, максимально прозрачный процесс голосования, резко отличается от того, что было вчера. Что сразу выявляются все их «художества» по фальсификациям. А те, кто поумнее, знают, что новые технологии уже не позволят им заниматься фальсификацией в день голосования, и лихорадочно продумывают, как бы отсечь основных конкурентов на подступах ко дню голосования. Проблема? Да! Но с другой стороны, это говорит о наших успехах, но еще не свидетельствует о том, что процессы стали необратимыми.

В 2021 году заканчивается срок ваших полномочий. Вам интересно было бы продолжить работу в ЦИК России или рассматриваете для себя иные варианты?

Элла Памфилова: Вот когда пойму, что процессы оздоровления системы приняли необратимый характер, тогда могу сказать, что моя миссия закончена, и неважно, кто придет на мое место. Получится ли это к окончанию моих полномочий в 2021 году, не знаю, но наши усилия направлены именно на это. Насчет следующего срока рассуждать сейчас бессмысленно — еще не вечер...

ВОЙНА ЭЛЛЫ ПАМФИЛОВОЙ: «МЫ КАК В ОКОПЕ, ОБСТРЕЛ СО ВСЕХ СТОРОН»²

Элла Александровна, рассмотрев жалобы незарегистрированных кандидатов в депутаты Мосгордумы, Центризбирком в общем и целом подтвердил выводы, сделанные Мосгоризбиркомом и окружными комиссиями. У вас больше нет вопросов к московским коллегам? Все хорошо с организацией выборов в Москве?

Элла Памфилова: И вопросы есть, и выводы готовятся. Во-первых, вопросы по поводу деятельности окружных комиссий. Помимо представителей четырех парламентских партий в них входят представители еще более чем 20 партий, в том числе — тех, кто причисляет себя к демократической или иной оппозиции. Причем с правом не совещательного, а решающего голоса. И где все они были? Ни одной жалобы в период, когда принимались документы и проверялись подписи, от них не поступило. Ни одной — ни от них, ни от кандидатов! Если были претензии к качеству работы комиссий, почему тогда молчали?

Взять хотя бы КПРФ. У меня была встреча с Рашкиным (член Президиума ЦК КПРФ, первый секретарь Московского горкома партии. — «МК») и их кандидатами. Они утверждали, что у провластных кандидатов вообще не проверяли подписи, а к оппозиции предъявляли невероятные требования и нарушали их права. Но ведь у вас представители в 45 комиссиях и в Мосизбиркоме! Они же должны были контролировать этот процесс, собирать факты нарушений. Где эти факты? Шума много — фактов нет.

И что вам ответили коммунисты?

Элла Памфилова: Ничего. «Да, собираемся направить их в суд или следственные органы». Попросила: «Мне-то тоже дайте». Вот жду до сих пор. Мы не имеем права на собственные расследования, но это позволило бы нам проанализировать работу окружных комиссий в целом. Мы бы увидели, где они наломали дров, — и наломали ли. А если бы к нам обратились на тот момент, то мы могли бы вовремя вмешаться и предотвратить предполагаемые нарушения.

То есть все-таки есть подозрение, что наломали?

Элла Памфилова: Ну, если бы все было замечательно, Центризбиркому не пришлось бы разгребать московские проблемы, рассматривая все эти

² Печатается по: Камакин А. Война Эллы Памфиловой: «Мы как в окопе, обстрел со всех сторон» // Московский комсомолец. 2019. 6–12 сент. № 196.

апелляции. Конечно, у нас есть определенные претензии и к работе окружных комиссий, и к Мосгоризбирком. Понятно, что если забракованные подписи кандидатам возвращали на каждом этапе обжалования, — сначала МГИК, потом нами, — то проблема существует. Сейчас мы тщательно анализируем все этапы работы комиссий, — и не только московских. После того как пройдет кампания, это будет поводом для серьезного предметного разбирательства и определенных выводов, включая кадровые.

Ну, если здесь и впрямь такой, говоря по-русски, бардак, не лучше ли действительно, как предлагают многие, отменить выборы и провести кампанию по новой?

Элла Памфилова: А какой бардак? Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду.

Ну, вы же сами говорите, что у вас серьезные претензии и к деятельности окружных комиссий, и к тому, как сработал Мосгоризбирком.

Элла Памфилова: Определенные претензии к работе — это не основание для отмены выборов. У ЦИК России нет таких полномочий, кто бы что на этот счет ни говорил. К сожалению, даже некоторые мои бывшие коллеги-правозащитники были введены в заблуждение. Обратились ко мне с открытым письмом: воспользуйтесь, мол, вашим правом, 21-й статьей закона («Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ». — «МК»), — вы можете взять и отменить выборы. Нет. Не можем. В 21-й статье, в которой перечисляются наши полномочия, близко нет ничего подобного.

Наша компетенция в полной мере — это федеральные выборы. Региональные — ответственность субъектов. Уже назначенные выборы могут быть отменены в нескольких случаях. Во-первых, если нарушена процедура объявления выборов. Второе — ввод чрезвычайного положения. Или когда с выборов снимутся все кандидаты. Все. Больше никаких оснований для отмены на этом этапе нет. Вот если будут массовые нарушения в день голосования, тогда появляется повод отменить результаты выборов и объявить о проведении новых. Но я надеюсь, что до этого не дойдет.

Не могу, однако, не привести поразившую меня цитату: «Власть руками избирательных комиссий с легкостью сняла с избирательного процесса негодных ей кандидатов в депутаты и расправилась с теми, кто против этого пытался возразить». Это не резолюция оппозиционного митинга, а цитата из недавнего заявления члена Мосгоризбиркома Людмилы Синельщиковой. Если уж в самом МГИК так оценивают эту кампанию, то какое должно быть доверие у избирателей к выборам?

Элла Памфилова: Я не знаю, кого представляет Людмила Синельщикова.

Насколько я понимаю, она представляет КПРФ.

Элла Памфилова: Если она представляет КПРФ, это тем более странно слышать. К нам в ЦИК от Людмилы Синельщиковой никаких обращений не поступало. Я не знаю, какие у нее претензии. Одно дело — громкие слова, и совсем другое — конкретная работа. Что она сама как член горизбиркома от КПРФ сделала, чтобы исправить ситуацию? Где она была? Если человек ничего не предпринимает, то подобные заявления ничего не стоят.

В любом случае странно, согласитесь, будут выглядеть выборы, перед которыми целый ряд кандидатов не просто был отстранен от участия в них, а посажен за решетку. За то, что они протестовали против снятия с выборов. Такого у нас, пожалуй, еще не было.

Элла Памфилова: Давайте так: насчет «решетки» и ее истинных причин можно и порассуждать, и поспорить. Но в данном случае это не моя компетенция. Теперь — по кандидатам. Говорят, часто это слышу, что никого из оппозиции не зарегистрировали. Это неправда.

Никто не говорит «никого».

Элла Памфилова: Нет, говорят именно так: «Оппозицию не пустили на выборы!» Но смотрите: всего зарегистрировано 233 кандидата (осталось 226). 171 из них выдвинуты партиями. Всего в этом списке представители 17 партий — без «Единой России», подчеркиваю. Там, конечно, есть и спойлеры, но есть и действительно оппозиционные. 62 кандидата — самовыдвиженцы. Будем считать, что 45 из них — те, кого поддерживает власть (предположим, власть выдвинула по кандидату на округ). Из остальных самовыдвиженцев не менее 10 — это те, кого можно причислить к группе, позиционирующей себя как «истинная, независимая оппозиция». Поэтому говорить, что «никого», — это просто нечестно.

Не зарегистрировано чуть больше десятка оппозиционных кандидатов. А всего отказали 56. На прошлых выборах, в 2014 году, не зарегистрировано было 111. В два раза стало меньше отказов! Причем отказывали и тем, кто лоялен власти, и тем, кто нейтрален власти, — одни и те же требования были ко всем. Признаюсь, мне даже в страшном сне не могло присниться, что отказ в регистрации двенадцати кандидатам, позиционирующим себя как «истинная оппозиция» — из рядов которой примерно столько же, десять, зарегистрировали, — вызовет такой скандал, чуть ли не международного масштаба.

За ними тоже стоит очень много избирателей. Я лично знаю многих.

Элла Памфилова: Много — это сколько? Сто, тысяча, десятки или сотни тысяч? Но в данном случае важнее разобраться в мотивах и обоснованности отказов. И они должны были честно объяснить своим избирателям, почему их не зарегистрировали. А не заявлять, что Кремль и мэрия их боятся. Что они говорят? Что провластные кандидаты подписи не собирали, что их регистрировали просто потому, что те лояльны. А они, «истинная оппозиция», все сделали честно, правильно, но к ним необоснованно придираются. «Я многократно доказала, что у меня честные подписи», — говорит Соболь. Позвольте возразить: «экспертиза», которую она представила, — филькина грамота, да еще и стоимостью в несколько миллионов рублей. Квалифицированный эксперт-почерковед не станет проверять подписи по копиям.

Честно говоря, меня очень удивил тот факт, что и на уровне ЦИК проверкой тоже занимались эксперты МВД. Тут ведь возникает определенный конфликт интересов: они оценивали работу своих коллег, сотрудников того же ведомства.

Элла Памфилова: Нет никакого конфликта интересов. Все эти эксперты очень автономны, нужно просто знать специфику их работы. Это специалисты высочайшей квалификации. Тем более что мы привлекли совсем других почерковедов.

Тем не менее все они работают в одной системе, подчиняются одним и тем же начальникам.

Элла Памфилова: Ну послушайте, МВД уже 25 лет проверяет подписи. Все наши видные оппозиционеры, от Явлинского до Немцова, избирались по этому принципу. И фракции создавали, и должности высокие занимали... А теперь вдруг нам говорят: не нужно МВД. Но участие экспертов МВД в проверке подписей прописано в законе. Тогда нужно менять закон. Тем не менее, исходя из претензий, мы привлекли специалистов и из других ведомств, — не только из МВД. И никаких сомнений в результатах их работы у нас нет.

Что требуется от человека, который отдает свою подпись в поддержку кандидата? Только две вещи: он должен расписаться и поставить своей рукой дату. Но вот смотрите (показывает подписной лист. — «МК»): все даты написаны одной рукой. Даже вы, не почерковед, это можете видеть. Мы каждому, у кого хватит терпения, готовы показать эти материалы, все эти цепочки поддельных автографов. Чтобы все могли убедиться: мы ничего не выдумываем, не придираемся.

Но дело ведь не только в подписях. У Соболев, Гудкова-старшего, Брюхановой, Кульнева, Руденко выявлены, кроме того, серьезные нарушения при оформлении антикоррупционных справок, — об имуществе, находящемся за пределами страны. Скажем, Соболев, что касается самого имущества, написала правильно. Но там есть еще один очень важный, четвертый раздел: «Обязательства имущественного характера». И он во всех справках — на нее, мужа, несовершеннолетних детей — не заполнен. Уже одно это — основание для отказа.

По словам Соболев, она оставила графу пустой, потому что ни у нее, ни у членов ее семьи нет обязательств имущественного характера, связанных с границей.

Элла Памфилова: Эта графа заполняется обязательно. Закон четко прописывает: проставляется запись о наличии или отсутствии обязательств имущественного характера. А она оставила пустоту. Это не какая-то техническая ошибка: пустота здесь не допускается. Пустота означает, что человек не хочет ничего объяснять, не хочет раскрывать информацию. Если это требование не выполнено, то все, свободен.

Одна из главных претензий к вам: почему не принимались во внимание заявления граждан, чьи подписи были забракованы?

Элла Памфилова: Тоже неправда. В тех случаях, когда к заявлениям были приложены сканы паспортов, мы подписи вернули. Но часть таких заявлений попали в листы, забракованные целиком по другим основаниям. В том числе, — из-за нарушений, допущенных на стадии нотариального заверения. Да, тут были и чисто технические ошибки, и такие подписи мы тоже возвращали. Так было, например, с Русаковой: мы возвратили ей 170 таких подписей. А 300 — не вернули, потому что там были явные нарушения утвержденной Минюстом нотариальной формы, не позволявшие установить даже, был ли сам факт заверения. Здесь мы ничего сделать уже не могли.

То есть даже если человек говорит: «Это я подписался, вот он я», — это еще не основание для восстановления подписи?

Элла Памфилова: Закон есть закон: если человек попал в забракованный лист, оформленный с нарушением требований закона, — извините. Если сам сборщик подписей неправильно оформил лист, — не указал, скажем, дату своего рождения, — такой документ тоже по закону признается недействительным. То же самое, — если в лист попал мертвец. Вот откуда, кстати, взялась эта 321 мертвая душа? У одного Кульнева — 53! Ясно же,

что старую базу взяли. Они говорят: «Это могли быть провокаторы, нам этих сборщиков заслали».

Такой вариант, насколько мне известно, действительно нельзя исключить.

Элла Памфилова: Я тоже ничего не могу исключать, но это уже зона ответственности кандидатов. Значит, они должны были лучше контролировать своих сборщиков! И потом: где гарантия, что люди, требующие восстановить подписи, тоже не являются провокаторами? Мы примем решение, восстановим, а потом на нас подадут в суд. Ситуации могут быть разными, но закон запрещает нам — есть даже постановление Верховного суда на этот счет — проводить какие-либо расследования. Это компетенция судов и правоохранительных органов.

Но что касается наших возможностей, мы сделали все от нас зависящее, чтобы «вытянуть» этих кандидатов. Помните, например, какой шум был вокруг того, что сотрудники окружных избирательных комиссий внесли искаженные данные в ГАС «Выборы»? Все эти «Бикторовны» и прочее? Сознательно это делалось или это были ошибки от усталости, — трудно пока сказать. Но мы полностью это отработали. Наши специалисты сопоставили подписные листы, данные ГАС «Выборы», базу МВД, и все эти подписи были возвращены.

Перед началом работы по жалобам я сказала сотрудникам аппарата: ищите все, что можно использовать в пользу кандидатов. Независимо от того, нравится кто-то или нет. Лично я считаю, что участие оппозиции в выборах было бы очень полезно для нашей политической системы, для развития в ней конкуренции. А уж за Брюханову мы прямо бились все! Мне бы очень хотелось, чтобы она была в Мосгордуме. Правда. Она всех членов ЦИК очаровала своим упорством, тщательностью и трудолюбием. Причем у нее, в отличие от других, ни одной «мертвой души» не было. Видно, что человек собирал подписи.

Но при всем своем желании вернуть «отказников» в кампанию вы не могли?

Элла Памфилова: Ну а как? Мы могли вернуть их только при одном условии — если бы пошли на прямое нарушение закона. Но даже это их бы не спасло. Сейчас ведь модно судиться, вы это видите: различные политические силы то и дело атакуют друг друга через суд. На нас бы тоже моментально подали в суд, — и тот отменил бы наше решение.

Выдам один секрет: во время проверки мы закрыли глаза на многие вещи, чтобы не ухудшать положение кандидатов. Но сейчас, когда на нас сыплются обвинения в том, что мы отказали «незаконно», я тоже не стану

молчать. Например, у той же Соболев, как и у Русаковой, список сборщиков заверен нотариусом некорректно, с нарушением закона. И это — не техническая ошибка.

Удивительная все-таки история: кандидаты, о которых никто ничего не слышал, но о которых известно, что их поддерживает власть, успешно проходят все проверки и регистрируются. А у несравнимо более известных людей, у людей, способных вывести на улицы десятки тысяч в свою поддержку, — ничего, хоть убей, не получается. Как вы объясняете этот парадокс?

Элла Памфилова: Не вижу никакого парадокса. Кто из радикальной оппозиции тщательно подошел к этому процессу — у тех получилось, и их зарегистрировали. Не получилось у тех, кто ставил перед собой иные цели или просто забыл ознакомиться с элементарными требованиями закона.

Если же говорить о вышедших на улицы по их призыву, то большинство их не знали даже имен и фамилий этих кандидатов. Да и к Москве многие не имели никакого отношения. Зато как круто, модно, особенно для малолеток, прокричать, перекрыв проезжую часть: «Мы здесь власть!» Сытые, ухоженные, выросшие в самые благополучные для России времена, хорошо одетые, с дорогими телефонами... Это не простые работяги с производства, — это «продвинутое» студенчество и старшеклассники. Они еще до конца сами не понимают чего хотят, а тут появился повод для «движухи».

С другой стороны, у обычных людей действительно много накопилось поводов для недовольства. Тем, что власть часто их не слышит и не реагирует на их проблемы, что много произвола и несправедливости. Вот это — серьезно. Именно этим должна быть озабочена власть.

Кстати, к некоторым кандидатам, — в особенности к Соболев, которая является профессиональным юристом, — тоже возникают вопросы в этой связи. По небрежности ими были допущены нарушения или специально, — чтобы у нас не было ни единого шанса их зарегистрировать, чтобы вокруг этого можно было устроить вселенское шоу?

Любопытно все-таки было бы взглянуть на подписи, отданные за кандидатов, которые успешно зарегистрировались. У вас не возникало такого желания?

Элла Памфилова: У ЦИК России нет таких полномочий. Повторяю: чтобы инициировать такую проверку, необходимы факты. Если у кого-то они есть — дайте, пожалуйста. Я применю весь свой ресурс для того, чтобы установить и наказать виновных, сама направлю материалы в Следственный комитет, в Генеральную прокуратуру. Только дайте факты. Хотя какие-то.

Тут еще очень важно правильно расставить акценты. Логика у наших оппозиционеров такая: провластных кандидатов зарегистрировали нечестно, а мы честные. Но сначала зарегистрируйте нас точно так же, — пусть нечестно, в обход закона, — а уж потом мы будем бороться за честность и справедливость! Но, ребята, если уж вы критикуете власть, если говорите, что она такая-сякая, а вы совершенно другие, то и доказывайте, что вы на самом деле лучше ее представителей. Скажите: «Мы докажем, что их зарегистрировали неправоммерно, но сами так не хотим. Проверьте нас безо всяких поблажек!» Вот это я бы поняла.

Но я вижу другое. Пришли ко мне (речь идет о встрече председателя ЦИК России с группой кандидатов в депутаты в Мосгордуму, не зарегистрированных окружными избирательными комиссиями, состоявшейся 23 июля. — «МК») и предъявили фактически ультимативное требование: «Зарегистрируйте нас безо всяких проверок!» Чем вы тогда отличаетесь от тех, кого разоблачаете?

Вы сказали: по поводу того, что делали правоохранители, — это не к вам. Но все-таки у вас, — может быть, не как у председателя ЦИК, а как у Эллы Памфиловой, как у человека, который значительную часть своей жизни посвятил правозащитной деятельности, — есть вопросы к их действиям в этой ситуации, к тому, как они пресекали протестные акции?

Элла Памфилова: Да, я действительно много лет занималась правозащитой. И, будучи уже председателем ЦИК, помогала людям, чьи права были нарушены, когда это пересекалось с выборами и нашей компетенцией.

Кстати, тот же Навальный и иже с ним, с одной стороны, не жалеют для меня и моих коллег оскорблений и лжи, а с другой — обращаются за помощью и содействием. Мы защищали их, например, когда «бомбили» их штабы в регионах. Организовывали им поездку в Чечню в качестве наблюдателей на выборах президента. Под мою личную ответственность. Кстати, в Новосибирске глава штаба Навального зарегистрирован недавно кандидатом в мэры. Благодаря нам восстановлена регистрация руководителя штаба Навального на муниципальных выборах в Петербурге.

Но что касается несанкционированных митингов и шествий, это действительно не наша зона ответственности. Единственная связь с избирательным процессом — в том, что они проводились под лозунгом «За честные выборы!». Хотите провести митинг? Ради бога! Но проводите, не выходя за рамки правового поля. Отстаивая свои, в том числе и избирательные права, не попирайте права других. Если вы кандидаты и бьетесь за право стать законодателем, то не стоит плевать на закон. Если призываете молодежь на несанкционированные акции, то несите полную ответственность за последствия и судьбы этих ребят.

То есть, если я правильно понял, вопросов у вас нет?

Элла Памфилова: Вопросов нет только у полных идиотов. И позиция моя такая: я против неоправданной, необоснованной жестокости и насилия по отношению к протестующим со стороны правоохранительных органов. Но, с другой стороны, мне не менее омерзительны провокации на несанкционированных акциях по отношению к людям, которые несут службу по охране общественного порядка. Это — в общем.

По конкретным случаям я не могу давать оценку, поскольку занята другим и не знаю фактов. Не знаю конкретно, что делали кандидаты и их сторонники, как действовали правоохранительные органы, поэтому не могу судить о том, кто прав, кто виноват. С чужих слов и утверждений я своего мнения не составляю.

Если бы аресты были способом не пустить кандидатов на выборы, — я бы, конечно, вмешалась. Но в данном случае это не связано с вопросом допуска. Решения об отказе принимали мы, и я уверена в их правомерности и готова это доказывать.

Насколько я понимаю, самое первое из «московских дел», возбужденное «по факту воспрепятствования деятельности избирательных комиссий», не может расследоваться без участия самих избирательных комиссий, без ваших московских коллег. Они здесь потерпевшие. А что вы думаете об этом?

Элла Памфилова: Моя личная позиция, что это притянута за уши. Это был выходной день (речь идет о событиях 14 июля 2019 года, когда протестующие против снятия с выборов независимых кандидатов пикетировали здание МГИК. — «МК»), комиссия не работала. Возможно, были какие-то другие нарушения закона. Но никакого воспрепятствования деятельности комиссии я не вижу. Если и возбуждать какое-то дело, то должны быть серьезные основания. В данном случае я их не вижу. Таково, во всяком случае, мое мнение.

Последний вопрос на «московскую» тему. Знаю, что у вас нет полномочий снимать руководителей нижестоящих структур. Но знаю также, что был ряд случаев, когда вы беседовали один на один с руководителями региональных избирательных комиссий, и они после этого уходили в отставку. У вас будет разговор тет-а-тет с Валентином Горбуновым?

Элла Памфилова: Вопрос о смене руководства МГИК сейчас некорректен. Ставить его до выборов, — значит, выбить комиссию из колеи. Это исключено.

Ну а после выборов будет разговор?

Элла Памфилова: Разговором тут не обойтись. Посмотрим, как пройдет день голосования, но в любом случае будет серьезный и предметный «разбор полетов». Вы правы, мы не можем напрямую снимать председателей региональных комиссий. Но мы можем публично выразить недоверие тому или иному руководителю, если видим для этого основания. А иногда действительно достаточно поговорить с человеком, представить ему наши аргументы, и он сам принимает решение уйти. В общем, у нас есть разные способы решить вопрос, и мы ими пользуемся. Но сейчас, в преддверии выборов в Мосгордуму, самое главное для меня — не навредить деятельности комиссии, не деморализовать ее окончательно, дать ей возможность хорошо провести день голосования. Мосгоризбирком это умеет. А мы будем, как и по остальным регионам, контролировать ситуацию и вовремя предпринимать те действия, которые от нас потребуются.

Проблемы с выборами возникают, как вы уже упоминали, и в других регионах. Пожалуй, особенно богата нынче на предвыборные скандалы Северная столица. Одно снятие Владимира Бортко чего стоит! Основной конкурент и.о. губернатора заявил, что не хочет играть «краплеными картами». Главным же доказательством «краплености» Бортко называет решение Санкт-Петербургского избиркома создать «дачные участки» в Ленинградской и Псковской областях. По версии оппозиции, это делается с целью фальсификаций — для того, чтобы обеспечить победу Беглову. В общем, выборы лишились главной интриги и превращаются, по мнению многих, в безальтернативные. Как вы относитесь к демаршу Бортко и приведенным им аргументам?

Элла Памфилова: Если речь идет только о «дачных участках», то повод этот весьма незначительный. Я бы даже сказала, несерьезный. Их не так много, чтобы можно было повлиять на общие итоги голосования. Тем более после нашего прессинга их количество подсократили. С нашей стороны там будет обеспечен жесткий контроль, будут наблюдатели и, надеюсь, видеорегистраторы.

Примечательно, однако, что Санкт-Петербургский избирком проигнорировал не только протесты оппозиции против создания «дачных участков», но и ваши рекомендации на этот счет.

Элла Памфилова: Это право горизбиркома, мы не можем им приказать. У нас ведь не административно-командная вертикаль, — выборы в субъектах Федерации организуют региональные комиссии. Но коль они приняли такое

решение, то спуску мы им не дадим. Раз решили, — будут нести ответственность за последствия. По полной программе.

Мы свою позицию обозначили жестко: создание таких участков нецелесообразно. Москва на прошлых выборах мэра уже отработала эту схему, и московский опыт говорит, что овчинка совершенно не стоит выделки. Это уже пройденный этап. Мы опробуем более современные технологии: цифровые участки, дистанционное голосование... Москва их активно внедряет, и в этом смысле они молодцы. И Петербургу мы не советовали возвращаться во вчерашний день. Зачем? Затратно и неэффективно.

Что-то не очень они вас слушаются.

Элла Памфилова: Да, бывает так. До поры до времени. Не слушаются, не слушаются — а потом мы выражаем недоверие. Не слушались и предыдущие председатели горизбиркома, — и где они теперь? Так что всему свое время.

Ну а массовое снятие кандидатов на муниципальных выборах в Петербурге как вы оцениваете?

Элла Памфилова: Ну как я оцениваю? Мы делаем все возможное. Восстанавливаем, и восстанавливаем, и восстанавливаем.

А это подходит под категорию «бардак»?

Элла Памфилова: Это хуже. Ситуация, при которой муниципальные комиссии не исполняют решения судов по восстановлению кандидатов, требует, наверное, каких-то других, более крепких выражений. Надо, конечно, полностью реформировать муниципальную избирательную систему Санкт-Петербурга. Это страна в стране, где свои правила, где нагло игнорируется федеральное законодательство.

Наши сотрудники, члены ЦИК, буквально не вылезают оттуда. Постепенно мы ломаем ситуацию. Скажем, у «Яблока» на прошлых выборах было зарегистрировано 99 кандидатов, а сейчас, по-моему, 409. Но, к сожалению, все приходится делать в ручном режиме. Если сравнивать с Москвой, с прошедшими, например, здесь ранее муниципальными выборами, то это небо и земля. В Петербурге надо кардинально все менять.

В выборах, проводимых в разных частях страны, легко увидеть общую черту: на несправедливость практически всегда и везде жалуются кандидаты оппозиции, а не власти. Есть, наверное, исключения из этого правила, но они не меняют общую картину. Вот и ваш коллега по ЦИК Николай Левичев предупреждает: «Если вы в оппозиционной партии, вы

всегда должны делать поправку на то, что для вас барьерчик будет чуть повыше». Согласны с такой точкой зрения?

Элла Памфилова: Левичев совсем другое имел в виду. Он уже объяснялся по этому поводу, не буду говорить за него. Но я как человек, который тоже был в оппозиции — настоящей, серьезной, недаром сейчас вытащили все мои высказывания 20-летней давности, — на собственной шкуре знаю: если ты бросаешь вызов власти, то действительно должен быть готов к тому, что тебе будет непросто. Комфортные условия тебе создавать никто не будет. У нас, правда, есть пример Навального, которому дали подписи муниципальные депутаты от «Единой России», чтобы он поучаствовал в выборах мэра. Может быть, глядя на него, все решили, что власть должна предоставлять оппозиции режим наибольшего благоприятствования?

Лично мне кажется, что более высокий «барьерчик» как раз должен быть для кандидатов от власти, за которыми, как правило, стоит огромный административный ресурс. По идее, как раз их надо проверять с пристрастием.

Элла Памфилова: Что касается нас, мы всех проверяем доброжелательно, на равных. Взять хотя бы нынешнюю московскую кампанию. Мы отказали и тем, и другим, поскольку были сходные нарушения. А сколько мы снимали кандидатов от «Единой России» на других выборах! Но на это, естественно, никто не обращает внимания.

Вы хотите сказать, что провластным кандидатам отказывают в регистрации не реже, чем оппозиционным?

Элла Памфилова: Не считала специально, поэтому не берусь утверждать. Не люблю голословных утверждений. Но точно знаю, что представителей «Единой России» тоже часто снимают с выборов. Что логично: их просто самих по себе очень много. Это, однако, не отменяет того, что я сказала: оппозиционеру всегда и в любой стране заведомо сложнее, чем представителю власти.

Человек во власти в любой стране всегда имеет определенные преимущества. Правда, одно дело, когда речь идет о, так сказать, легитимных преимуществах. Когда человека, например, часто показывают по телевизору в силу его должности. И совсем другое — злоупотребление административным ресурсом. Есть у нас такое? Меньше, чем раньше, но есть. И это приходится выкорчевывать изо дня в день.

Поэтому, честно говоря, не знаю, кто меня больше не любит — наша либеральная оппозиция или чиновники. Мы — как в окопе: обстрел идет со всех сторон. Оказались в нервной точке, на пересечении интересов —

политических, экономических, номенклатурных — разного рода групп и группировок. Я неудобный человек практически для всех.

Вы много говорите сегодня о необходимости скорректировать избирательное законодательство, но не пришла ли пора поставить вопрос о реформе всей избирательной системы, воспринимаемой сегодня значительной частью общества (как минимум значительной) как институт, формируемый властью и действующий в ее интересах? Некоторые, как, например, известный политолог Владимир Пастухов, видят выход в радикальной децентрализации избирательного механизма.

Элла Памфилова: Это который сейчас в Лондоне?

Совершенно верно. Так вот, его мнение: «Общенациональный «избирательный орган» должен создаваться конференцией выборщиков или каким-то иным способом «снизу» под конкретные выборы и не иметь никаких административно-распорядительных функций по отношению к комиссиям на местах, превращающих его в министерство и часть «системы». Как вам такая идея? Может быть, за этим будущее?»

Элла Памфилова: Вот за что я люблю нашу либеральную общественность, так это за ее «принципиальность». Они все, конечно, против административного ресурса, но когда им выгодно, настойчиво требуют его применить: «Памфилова, ты чего, Горбунова снять не можешь?! Ну-ка разгони там всех и отмени выборы!» И им совершенно наплевать на то, что у Центризбиркома нет таких полномочий, плевать на то, что кроме Памфиловой есть 14 членов ЦИК, которые думают по-разному, мнения которых могут быть отличными от моего...

Я знал, что вы это скажете.

Элла Памфилова: А что я еще могу сказать? У меня вся деятельность построена на компромиссах, на умении найти взаимоприемлемое решение. Конечно, как человеку, который своей целью видит оздоровление избирательной системы, мне иногда не хватает полномочий. Если бы у меня была «вертикаль», я бы тогда развернулась! Но, с другой стороны, я понимаю, что у «вертикали» есть обратная сторона. Сейчас в Центризбиркоме Памфилова, а завтра, может быть, придет Антипамфилова — человек, у которого будут совершенно другие цели и интересы.

То есть систему пока лучше не трогать?

Элла Памфилова: Ну почему? Если бы я так думала, я бы два года назад не пошла к Президенту и не попросила его создать рабочую группу по реформированию избирательного законодательства. И не тратила бы на это нервы и здоровье. В принципе ведь могу не тратить. Мы только правоприменители, — пусть у законодателей болит голова об актуальности законов. Но я так не говорю и так не думаю. Систему, конечно, нужно совершенствовать. По итогам кампаний этого года мы подготовим свой пакет предложений. В том числе — по совершенствованию, упрощению механизма сбора и проверки подписей.

Мы встречаемся впервые, но я достаточно давно наблюдаю за вашей деятельностью. И всегда относился к Вам с большим уважением. Поэтому, когда решался вопрос о том, кто станет председателем ЦИК России, я ставил не на вас. Доказывал, что власть предпочтет кого-то более покладистого, послушного, податливого. И сейчас мне говорят: «Смотри, Памфилова...»

Элла Памфилова: Да, «была приличным человеком, а теперь»...

«...Вписалась в систему». А я, откровенно говоря, не знаю что ответить. А что ответили бы вы? Вы вписались в систему? Вы та же самая Памфилова, которая может громко хлопнуть дверью, уйти в отставку, почувствовав несогласие с «генеральной линией», или уже другая?

Элла Памфилова: Если человек сформировался как личность, то вряд ли потом сильно изменится. Убеждения у меня те же самые. Просто больше стала знать и понимать. Но, по сути своей, конечно, осталась прежней. Могу, кстати, сказать, что целый ряд уважаемых мной правозащитников, с которыми я работала, говорит мне: «Элла Александровна, уходи! Ты такой приличный человек, у тебя такая биография, у тебя столько заслуг — как ты можешь здесь оставаться».

Поверьте, я умею уходить. Когда говорят, что Памфилова «присосалась к кормушке», ничего, кроме смеха, у меня это не вызывает. Я с поста министра ушла (в 1991–1994 годах Э.А. Памфилова была министром социальной защиты России. — «МК»), когда стала не согласна с политикой правительства. Ушла практически в никуда. На пике своей популярности. И в 2010 году ушла (с поста председателя Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. — «МК»), когда у меня возникли противоречия с высокопоставленными чиновниками.

Я ухожу, когда чувствую, что моя деятельность бессмысленна. Но сейчас я не вижу этого. Напротив, вижу, что у нас получается. Не так быстро, как хотелось бы, но ситуация меняется. Со стороны этого, может быть, неза-

метно, но те, кто внутри, кто вникает в эти процессы, знают, что перемены значительны.

А насчет того, вписалась ли я в систему... Ну а эти ребята, оппозиционеры наши, за что, по-вашему, бьются? За то, чтобы попасть в Мосгордуму, то есть встроиться в эту же политическую систему. Чтобы менять ее, как им представляется, изнутри. Но я, находясь на вершине избирательной системы, уже меняю, работаю вместе с коллегами на ее оздоровление. Так почему же я должна уходить?

ЭЛЛА ПАМФИЛОВА: «СУЕТИТЬСЯ И УЛАВЛИВАТЬ ЧЬИ-ТО ФЛЮИДЫ — ЭТО НЕ ПРО МЕНЯ»³

Элла Александровна, хотим начать с неожиданного вопроса: вам нравилась группа «Наутилус Помпилиус»?

Элла Памфилова: Одна из самых любимых. Все в жизни повторяется на новом витке спирали. Сейчас и песни Галича начинают вспоминать, и Талькова, ну а Высоцкого никогда и не забывали.

Их песня «Скованные» вспомнилась потому, что оппозиционные кандидаты, которых не допустили к выборам, бегают по кругу, ищут правды везде — в окружных комиссиях, в ЦИК России, в судах и на площадях. И нигде не могут найти. Система выстроилась цепью.

Элла Памфилова: Во-первых, они не кандидаты, просто оппозиционеры. А вы уверены в том, что они ищут правду? Готовы ли эти люди самим себе признаться в правде? Сказать: мы, вроде бы юристы, образованные, грамотные люди, но по каким-то причинам допустили грубые ошибки, не позволившие нам зарегистрироваться и стать кандидатами. Я убедилась в том, что далеко не всем эта правда нужна. Не понимаю, почему госпожа Соболь и еще четверо из тех двенадцати, кого не зарегистрировали, не выполнили требования по заполнению, например, антикоррупционной справки. Соболь оставила пробел в графе 4 об обязательствах имущественного характера. «Ну, не заполнила. А что тут такого?». Но это уже достаточное основание для отказа в регистрации, помимо требований к собранным подписям.

Но кандидат ведь имеет право на небольшую ошибку?

³ Печатается по: Баканов К., Балуева А. Элла Памфилова: «Суетиться и улавливать чьи-то флюиды — это не про меня» // Собеседник. 2019. 9 сент. № 34.

Элла Памфилова: Еще не кандидат, а просто соискатель кандидатства. На техническую — да. Например, можно донести некоторые недостающие документы или исправить определенные ошибки в оформлении. При этом есть документы, которые нужно сдать сразу в должном виде, и ничего исправлять там нельзя. Что касается раздела № 4, — обязательств имущественного характера, находящегося за рубежом, то это можно было уточнить на первом этапе, чего не было сделано. Но уже на этапе рассмотрения жалобы в МГИК вносить какие-либо изменения было нельзя. Тем более — в ЦИК России.

Незаполнение данного раздела трактуется судами, как отказ сообщать достоверную информацию. Но мы, кстати, эту тему ненадлежащего заполнения даже не педалировали, мы изначально изучали только то, что уже забраковали на уровне города, и не хотели ухудшать их положение. Мы исходили из самого доброжелательного отношения к оппозиционным кандидатам, я встречалась с ними еще до того, как они получили отказ, чтобы понять, какие у них проблемы и чем мы можем помочь.

У нас на руках одна из многочисленных жалоб. Суть документа в том, что проверка графологами подписей, собранных оппозиционером Янкаускасом, заняла более 6 часов, а проверка в отношении провластных кандидатов (например, Зверева) вовсе не проводилась или проводилась формально. Почему же на это не было никакой реакции?

Элла Памфилова: Может быть, так и было, но никто нам об этом не сообщил, — ни тогда, когда можно было все исправить, ни сейчас. Выборы в Мосгордуму — региональный уровень, и ЦИК может оперативно вмешаться, только когда у нас есть жалоба с фактами, что нижестоящая комиссия нарушает процедуры или бездействует. В Санкт-Петербурге мы работали по жалобам на ИКМО, высылали туда рабочую группу, а из Москвы у нас просто не было таких сигналов, никаких жалоб. Иначе мы бы обязали сделать все исправить, и, самое главное, вовремя. И я вас сейчас прошу, соберите все, что у вас есть, и дайте мне. Это поможет нам сделать выводы и дать оценки работе комиссий разных уровней. А то одни разговоры! Причем, когда процесс уже закончился. Но и сейчас мне нужны факты, чтобы понимать, как сработала вся эта система.

Элла Александровна, но вот моя подпись за оппозиционного кандидата тоже была признана недействительной, хотя я сама ставила и ее, и дату.

Элла Памфилова: В некоторых случаях сам сборщик мог «запороть» целый лист с реальными подписями, грубо нарушив правила заполнения. Такой лист по закону должен быть забракован весь. Видимо, Вам просто не повезло, но мы готовы проверить уже задним числом, что произошло с вашей подписью. Ошибок сборщиков, особенно у Соболев, было много. Но все, что

можно было исправить, мы им возвращали. По заявлениям граждан, подписи которых были признаны недействительными, ЦИК не могла работать в полной мере — мы же не следственные органы. Но и тут мы действовали сообразно возможностям: подписи, подтвержденные заявлениями со сканами паспортов, мы все до одной вернули, да и по ряду других заявлений, когда хватало наших полномочий, подписи возвращали.

И все же наблюдатели говорят о неравном подходе к кандидатам. Одни и те же ошибки, например, для Соболь стали критичными, а для кого-то провластного — нет. Или, скажем, независимых экспертов даже не подпустили к процессу экспертизы подписей, как в случае с Янкаускасом.

Элла Памфилова: Дайте мне факты «неравного подхода». А эти нарушения по Янкаускасу, — попади они к нам вовремя, мы бы тут же среагировали и заставили бы все выполнить, как положено.

То есть надо сразу в ЦИК обращаться? А зачем тогда все нижестоящие комиссии нужны?

Элла Памфилова: Да, если кандидат заинтересован в том, чтобы своевременно были предприняты шаги для регистрации — если ОИК что-то нарушила, а Мосгоризбирком не среагировала, то к нам. У нас работает горячая линия для таких случаев. Я, конечно, со временем разберусь, и виновные ответят. Но соискатели кандидатства сами не должны были терять время. В этом году кампании проходили во всех 85 регионах, в 16 выбирали высших должностных лиц, в 13 — заксобрание. Откуда нам взять людей, чтобы тотально проверять региональные выборы? Бегать по Москве, выспрашивая, где что происходит, — это, простите, слишком большая роскошь. Все кто заинтересован в справедливости, могли обратиться в ЦИК сами — мы быстро реагируем.

И все же. ЦИК, рассматривая те документы и жалобы, которые к нему поступили до выборов, счел, что Мосгоризбирком все сделала правильно?

Элла Памфилова: Нет, не счел. Иначе мы бы не возвращали кучу подписей, правда? А мы возвращали и по сто, и по двести, а Соловьеву вообще 399 подписей вернули. Мы все пытались трактовать в пользу тех, кто хотел стать кандидатом. Когда пошли разговоры, что не те, мол, почерковеды в МВД, мы пригласили других, независимых, экспертов из разных ведомств. Они очень высокого класса и полностью провели вторичную проверку. Что-то опровергли, многое подтвердили. Среди тех, кого эксперты первоначально сочли мертвыми душами, при повторной проверке нашлись и живые.

А подписи за провластных кандидатов тоже так тщательно проверяли?

Элла Памфилова: На этот счет много разговоров. О том, что провластных проверяли сквозь пальцы. Повторюсь, если на уровне окружных комиссий были подобные злоупотребления, нам почему-то никто не сообщил, только сейчас голословно машут руками после драки. Хотя в комиссиях немало представителей оппозиции. Но мы, ЦИК, за мертвые души и за рисованные подписи отказывали всем, невзирая на лояльность или оппозиционность. Фактов о том, что провластные кандидаты якобы не собирали подписи, у меня нет. И ни у кого нет. А это значит, что ни у кого нет права утверждать, что кто-то собирал, а кто-то нет. Или докажите хотя бы в суде обратное. Но в прессе все домыслы активно тиражируются.

Некоторые кандидаты не обозначают свое членство в партии власти, попросту его утаивают и идут как самовыдвиженцы. Это вообще законно?

Элла Памфилова: Да, любой представитель любой партии имеет право выдвигаться самостоятельно. В этом году были также представители КПРФ и «Яблоко», которые тоже шли как самовыдвиженцы.

Складывается ощущение, что гарантия законности на выборах любого уровня — только ЦИК? Правду можно найти только у вас?

Элла Памфилова: Ну зачем же так. Не только. Разные ситуации бывают. Сейчас мы действительно по всем проблемным регионам добились смены руководителей комиссий. С нашей подачи за случаи административного давления были освобождены от должностей мэры, заместители губернаторов и даже руководители двух регионов. Мы добились того, что сейчас практически невозможны «карусели» и вбросы. В день голосования заниматься фальсификациями сейчас гораздо сложнее, чем раньше. Мы добились ужесточения статей за сговор по фальсификациям.

Вы можете назвать самые проблемные регионы?

Элла Памфилова: У нас в этом году были проблемы с муниципальными выборами в Санкт-Петербурге, к сожалению.

Но кажется, что в этом году избирательная кампания особенно нервная. Это так?

Элла Памфилова: Нет, не кажется. Наша трехлетняя работа не прошла зря. Эта кампания довольно конкурентна. В Москве, например, в среднем пять человек на место. Уровень отказов — низкий. Вообще по стране заре-

гистрирован 91 процент из всех, кто изъявил желание; отказали 6 процентам, еще 3 процента не стали подавать документы в комиссии. В Москве на прошлой аналогичной кампании было 111 отказов, а сейчас всего 56. Жалоб по существу в этом году гораздо меньше, они были из Забайкалья, Саратова, но в основном это жалобы из Петербурга. Москва — на втором месте.

Но в московских выборах я не вижу масштабных проблем. Людей «разогрели» из-за отказа двенадцати оппозиционерам, при этом примерно столько же из этой «группы» были зарегистрированы.

Но выборы в Москве кошмарны. С ними связано столько негатива!

Элла Памфилова: Этот фон создан искусственно. Все обвинения из-за того, что не пустили 12 оппозиционеров, тех, кто себя позиционирует самыми истинными и самыми независимыми. Вот и весь «кошмар». Но здесь нет предвзятости. Я, например, с симпатией отношусь к Дмитрию Гудкову, с которым мы давно знакомы, к Брюхановой и Соловьеву. Я исхожу из того, как люди работали в ходе кампании. Но никакая симпатия или антипатия не влияла на наши решения, — мы просто действовали по закону.

Вас тоже ведь когда-то считали настоящим оппозиционером, вы были соперником Путина на выборах. Вы и сейчас темпераментом чем-то Соболь напоминаете.

Элла Памфилова: Упаси Господь!

Правда-правда. А что бы вы сейчас сделали на ее месте?

Элла Памфилова: Точно не стала бы примерять на себя чужой имидж, — в данном случае и весьма неудачно, — имидж Собчак, постаралась бы проявить свою индивидуальность. И еще: я бы точно после месячной голодовки не смогла бы так энергично, извините, действовать. Сил бы не хватило. Я бы посоветовала ей быть в дальнейшем более честной перед теми, кого увлекла за собой, и научиться признавать свои ошибки. Я свои умею признавать, где мы неправы, где недоработали. Когда она говорит: «Мы имеем право на представительство, — она права. Да, имеет. Но этого надо добиваться честно, иначе чем она отличается от тех, кого клеймит? Быть в настоящей, а не в комфортно-игрушечной оппозиции очень непросто. Быть вдвойне вооруженным знанием закона и правоприменительных процедур, и не подставляться лишней раз, по возможности. Выход на серьезную политическую оппозиционную тропу — это далеко не тусовочные шумные акции с легкомысленной подставой других по удар...

Вы говорили о давлении на вас со стороны оппозиционных кандидатов, а было давление с другой стороны?

Элла Памфилова: Да, давили ультиматумом по регистрации. Со стороны Кремля давления нет. Все знают, что я в любой момент могу напрямую выйти на Президента. Ведь это была его идея, чтобы я возглавила ЦИК. Он знает мой характер, поэтому никакого давления или инструктажа нет и не было. Да и не в его это манере. Когда утверждают, что нам сверху спустили «приказ», я просто внутренне посмеиваюсь: да, попробуй мне лично это кто-то сказать.

Ну, не прямой приказ, конечно, а просто общее направление, которое буквально висит в воздухе?

Элла Памфилова: Я не знаю насчет воздуха. Суесться и улавливать чьи-то флюиды — это не про меня. Мне лично никто ни из каких кабинетов не указывал. И я даже не знаю, кто меня больше не любит, — оппозиция или многие региональные и иные чиновники. Кстати, должна сказать, меня поражает, что оппозиция, критикуя власть за авторитарный режим, начинает, когда ей выгодно, требовать от меня: Памфилова, примени свою власть, возьми и нас зарегистрируй!

Требуют от вас быть диктатором?

Элла Памфилова: Именно. Когда, с их точки зрения, в этом есть политическая целесообразность.

Элла Александровна, что вы думаете об умном голосовании? Есть ощущение, что Владимир Бортко именно из-за него снялся с выборов губернатора Петербурга, поскольку была реальная опасность, что проголосуют не за Беглова, а за него, хотя у него была роль спойлера.

Элла Памфилова: «Умное голосование» я не буду комментировать, пусть его обсуждают те, кому это интересно. Не хочу вступать в эту дискуссию, а то навлеку на себя очередные оскорбления или Навальный пририсует мне еще три бороды с рогами и копытами (смеется — *Ред.*). А насчет Бортко, чьи фильмы я обожаю, скажу: с точки зрения власти это был неприятный инцидент, не зря Кириенко уговаривал его этого не делать. Власть ничего не выигрывает от его отказа участвовать. Да и не будет Бортко ничего высчитывать. Там другие мотивы были. Там возник достаточно серьезный внутривнутрипартийный конфликт.

Насколько в этой кампании был задействован административный ресурс?

Элла Памфилова: Мы говорим о неправомерном его применении? Да, это было, — в разной степени в разных регионах. Но гораздо меньше, чем раньше. Если мы его видим, мы хватаем за руку или передаем материал в правоохранительные органы. Но, к сожалению, позиции у нас не всегда совпадают, — мы считаем, что есть нарушение, а суд говорит, что не было. Эта проблема есть. До идеала пока далеко.

Что вы думаете о московских волнениях и протестах, связанных с выборами?

Элла Памфилова: У людей, конечно, есть основания для социальных, политических и экономических претензий. И у них есть право выражать это на митингах. Подчеркиваю — санкционированных. Это нормально. И власть должна понимать, что вызывает наибольшее возмущение людей. Но выборы в Мосгордуму были только поводом для этих волнений. Не было бы этого предлога, нашли бы другой. Многие даже и имен незарегистрированных кандидатов не знали, кроме Соболь, Яшина и Гудкова. Видимо, в определенных кругах Москвы назрело недовольство целым рядом факторов, люди вышли, чтобы выплеснуть, что у них накопилось. Теперь давайте честно скажем, кто выходил в Москве на протесты? Это довольно обеспеченные, хорошо упакованные по всем параметрам, неплохо образованные, в основном молодые люди из весьма благополучных семей. Они выросли, как моя внучка, которая родилась в 1999 году, не зная прежних тягчайших для большинства россиян времен. Да и сегодня в регионах другие во многом проблемы и приоритеты. То, что происходит в пределах Садового кольца, — далеко не во всем адекватно тому, что происходит в стране. Эти благополучные протестующие подчас не знают ни проблем своих сверстников в регионах, ни проблем своих родителей в 1990-х, когда все обрушилось, когда многие мужчины из демократически настроенной технической интеллигенции в одночасье потеряли работу в так называемых закрытых «ящиках», а вместе с работой потеряли и себя, уйдя в стрессы и запои, а женщины, даже доктора наук, заделались «челноками». И все страдали от бандитов! Сколько сломанных судеб и трагедий!... Хорошо, что эти мальчики и девочки выросли в самые благополучные в истории России двухтысячные годы, но плохо, что они не интересуются недавней историей страны. Вот и получается, что у кого-то щи пустые, а кому и жемчуг мелкий. С другой стороны, и эта часть молодежи должна найти цивилизованные способы, как реализоваться в своей стране, независимо ни от политических, ни от иных взглядов. Все они — молодые, активные, думающие — нужны России. Мне бы не хотелось, чтобы выпускники университетов, да и все остальные — уезжали из страны. Надо слышать,

чего они хотят, надо уметь с ними общаться, спорить и убеждать. Дать и им возможность цивилизованно убеждать своих оппонентов во власти. Это — взаимообогащающий процесс, способствующий развитию страны. Кто-то из них и осмысляет этот процесс уже сейчас, а кто-то выходит на акции просто потому, что круто и модно.

Вы сочувствуете студенту «Вышки» Егору Жукову, которого теперь обвиняют в призывах к экстремизму?

Элла Памфилова: Когда Навального зеленкой обливали, когда его штабы громили, я это прилюдно осуждала, поскольку это было связано непосредственно с выборами. Но я понятия не имею, что этот внешне привлекательный молодой человек Егор Жуков из себя представляет, что он делал и что задумал. Я не знаю сути и деталей этого дела, а я привыкла отвечать за то, что говорю. Надеюсь, что правосудие в отношении него и других будет справедливым. В любом случае, чем больше будет возможностей и площадок, в том числе и для общеполитических дискуссий между разными оппонентами и властью, чем больше и качественней будет обратная связь, тем меньше будет уход молодежи в радикальное поле. Поэтому всех призываю к диалогу — мы все в одной стране живем и нас, кстати, не так уж много, пора научиться слышать и уважать оппонентов и друг друга.

Раз уж зашла речь об ответственности за слова, то почему вы отказались от интервью Ассошиэйтед Пресс? А вы там сказали важное: что выборная система устарела, ее надо менять и вы будете этим заниматься.

Элла Памфилова: Неправда, я от своего интервью не отказывалась, — я отвергла грубый суррогат. Ведь по их просьбе дала им полноценное видеointerview, которое они сами у меня попросили и обещали его выложить на своих ресурсах. Но вместо этого выпустили весьма ангажированную статью своего корреспондента, где есть ряд немногочисленных вкраплений нескольких фрагментов моих фраз или ссылок на якобы мною сказанное, как придаток к продвигаемой автором статьи собственной позиции. То есть вместо согласованного формата моего интервью — пропагандистская статья корреспондента с очевидными признаками беспардонной цензуры. В качестве «довеска» — пара видеофрагментов, где мои высказывания грубо обрываются на полуфразе, что искажает смысл сказанного. В этой грубой поделке от моего интервью почти ничего не осталось. Моя реакция — не отказ от того, что было сказано на самом деле, а возмущение методом их работы. Попробовали бы они поступить подобным образом с высокопоставленным чиновником, например, в Лондоне! Что касается подписей, то я задолго до этого уже высказывала мнение, что система сбора и проверки подписей слишком громоздкая и по ряду аспектов устарела, поэтому ее

следует упростить, конкретизировать и осовременить. И это касается не только Москвы, а всей страны. Во-первых, сбор подписей за кандидата должен быть делом реальным, посильным. Во-вторых, нужно минимизировать возможность интерпретаций при их проверке, чтобы тут не было произвола. И еще: с одной стороны, изготовить липовые подписи технологически стало проще, а с другой, — собрать реальные — тяжелее, потому что раньше люди были открыты, а сейчас и в подъезд не зайдешь, и не каждый свои паспортные данные сообщит сборщику, потому что жуликов много. Все это надо учитывать. Но от сбора подписей совсем ни в коем случае не надо уходить, потому что во многих странах это прекрасно работает. К концу октября мы должны подготовить пакет предложений, в том числе и по возможности собирать их через портал госуслуг. А дальше — дело законодателей. Вот от этого утверждения, которое хоть и прозвучало в ущербном виде, я не отказываюсь. Меня шокировало то, что уважаемое информагенство, задача которого — доносить полную объективную информацию, опустилось до грубой пропаганды и цензуры, поправ все принципы свободы слова.

В начале этого интервью вы сказали, что любите «Наутилус». В их песне «Крылья» есть слова: «где твои крылья, которые так нравились мне». Так вот, многие критикуют вас, говоря, что вы превратились из честного и открытого пассионария в чиновницу и креатуру Кремля. Как вы на это реагируете? Где ваши крылья?

Элла Памфилова: Это одна из моих любимых песен. Одно не исключает другого. Естественно, я чиновник по должности, но это не приговор, поскольку чиновник я максимально открытый, восприимчивый, а ЦИК России — одна из самых открытых и свободных площадок для дискуссий, и у нас для всех, кто заинтересован в развитии избирательной системы, двери открыты. «Многие», кто критикует, а это, в основном большевики-либералы, которые не терпят и не признают инакомыслия, иной, отличной от их взглядов позиции. А я с уважением отношусь к тому, кто имеет отличную от моей позиции и умеет ее отстаивать. Более того, я умею признавать свои ошибки и считаю с другим мнением. И, конечно я креатура Кремля, поскольку именно Президент предложил мне поработать в ЦИК. Многие из тех, кто публично меня гнобит, нередко в это же время непублично обращаются ко мне за помощью, и я откликаюсь, помогаю, как могу.

А призывы — «Памфилова, ты была приличным человеком, а теперь уходи из власти» — ничего не стоят. Позвольте! Почему эти ребята, внесистемные «крутые» оппозиционеры, хотят в эту систему влиться хотя бы на уровне Мосгордумы, считая что они изнутри ее будут преобразовывать в «прекрасную Россию будущего», а я, занимая более высокую должность и обладая большими возможностями, должна по их прихоти все бросить? У нас идет процесс очищения и оздоровления всей избирательной системы, и

я знаю, что я это могу продвигать в большей степени, чем кто-либо другой. Не рисуя при этом фантастических картин про внезапное всеобщее благо. Для меня не проблема уйти, причем, на пике популярности. Я это делала не раз. Но! Чем больше меня прессуют с разных сторон, тем крепче держу удар. Характер такой. Пока есть силы, возможности и уверенность в успехе, буду делать все, что могу. А когда не смогу, тогда сама себе скажу: да, Памфилова, иди-ка ты цветочки выращивать и слушать на досуге прекрасную музыку.

КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ ПО СЕБЕ⁴

Вы в политике опытный человек, в разные эпохи работали на ответственных постах. Как Вы оцениваете нынешнее состояние диалога власти и общества?

Элла Памфилова: Очевидно, что российское общество в последнее время стало опережать в своем развитии многие государственные институты, поэтому состояние сложное. Во всем своем многообразии и многослойности — страна огромная, в ее разных точках и на разных уровнях чего только нет: от прекрасного взаимопонимания и взаимодействия — до конфронтации и полного отсутствия какого-либо диалога. Это тоже издержки ситуации, когда создаются тепличные условия для того или иного кандидата, когда ему подпихивают политические костыли, отбивая этими костылями всех реальных конкурентов. А этот кандидат, когда победит, будет оглядываться только на тех чиновников или бизнес-структуры, кто ему это тепличное выборное пространство обеспечил, и действовать он будет, в первую очередь, в их интересах, а не в интересах граждан-избирателей. И зачем ему нужен этот диалог или обратная связь с жителями? Мы это наблюдали многократно.

Когда руководитель определенного уровня часто понятия не имеет, что там на земле творится, — а там развалилась сельская больница, нет дороги, старикам деваться некуда. Во многом это следствие отсутствия здоровой конкуренции. Когда ориентируются не на тех, кто тебя должен избирать, а на тех, кто тебе создает искусственные механизмы для избрания.

А самый эффективный диалог у нас ведет Президент, и делает это напрямую. Президенту приходится на всех «прямых линиях» решать проблемы с лечением детей, с починкой крыши, с водой, дорогами, наводнениями и пожарами, пока некоторые «избранные» заняты собой, а не проблемами людей.

Наша задача — создать избирательную систему, которая обеспечивает достоверность выборов. Но обеспечить реальную конкурентную среду и

⁴ Печатается по: Мисливская Г. Каждый выбирает по себе // Российская газета. 2019. 24 сент. № 213 (7971).

другие факторы — это выше нашей компетенции. А без этого и наша работа может уйти в никуда.

Сейчас, как никогда, надо научиться действовать на опережение, тонко чувствуя, какие процессы формируются в общественном пространстве, создавая объединяющую всех повестку развития, увлекая за собой людей современными, выигрышными для России идеями.

А то у нас представители многих государственных структур на разных уровнях — районных, городских, региональных, чего греха таить, подчас, и федеральных структур — отстают, не успевают за настроениями, тенденциями и развитием общественных процессов. Многие остались даже не во вчерашнем, а в позавчерашнем дне. И мы с этим сталкиваемся.

Как именно?

Элла Памфилова: Скажем, заместитель губернатора считает, что избирательная система — его вотчина, он пытается руководить председателем субъектовой избирательной комиссии. Если тот не поддается, то со своими подчиненными действует за его спиной, подминая людей из нижестоящих комиссий, ломая весь запланированный нами нормальный избирательный процесс. А что уж говорить о нижестоящих уровнях. Сейчас подобных эксцессов стало меньше, чем в начале нашей работы, — это результат совместных с Администрацией Президента усилий, но совсем мы от этого еще не избавились. Некоторые до сих пор не понимают, что жизнь ушла вперед и они скоро окажутся на обочине.

Сейчас мы видим, что очевидная несправедливость все чаще формирует цивилизованный, правомерный общественный протест. Люди все больше выступают против произвола, несправедливости, неправомочных судебных решений. Если власть на всех уровнях слышит справедливые требования людей и быстро реагирует, то протест рассасывается и поводов для серьезных провокаций становится гораздо меньше. Хорошо, что кто-то заступился сейчас за Устинова или вчера заступился за Голунова. А сколько людей, до которых пока никому нет дела? Обычные рядовые люди незаслуженно осуждены, потому что судье было лень проверить дополнительные доказательства, прокурору было выгодно поставить галочку, а следователю — поскорее закрыть дело. Правозащитная, судебная и правоохранительная системы должны стать для всех граждан в одинаковой степени надежным щитом от произвола, а не источником этого произвола.

Что касается непосредственно наших проблем. Как можно эффективно бороться с нарушениями, когда мы убеждены, что были фальсификации, передаем материалы в региональные следственные органы, прокуратуру, МВД и получаем ответ, что ничего не обнаружено? ЦИК мечет громы и молнии, а потенциальные фальсификаторы уверены: им все сойдет с рук.

Без серьезного оздоровления и укрепления правоохранительных органов сложно осуществлять глобальные проекты и в других сферах. Что касается работы судов, то сколько лет мы твердим о том, что должна быть состязательность, нельзя не рассматривать очевидные факты. Тем более когда сейчас есть все технические возможности, доступность каждому делать видеозаписи, камеры почти везде поставили.

Вы чувствуете общественный запрос на это?

Элла Памфилова: Конечно, как любой нормальный человек. Тем более, что я сама содействовала развитию нашего гражданского общества, и сейчас оно стремительно самоорганизуется, обретая все большую ответственность за то, что происходит в стране. Новое поколение выросло в самое благополучное для России время. В большинстве своем молодые люди тоже благополучны и образованны. И у них уже запросы иного порядка. Значит, мы должны это учитывать. Я понимаю, у всех все разному — иному рабочему головы некогда поднять, потому что на кусок хлеба заработать надо. Но мы должны исходить из того, что в целом, несмотря на все трудности и кризисы, качество жизни сейчас совсем иное. Значит, требования и запросы другие. Зачем же эту молодежь нам отторгать и бросать в объятия радикалов, которые работают против России? Надо за каждого бороться. Они здесь, в своей стране, должны состояться, найти свое место, свое дело, свое предназначение и понимать, что это их страна, родная. Воевать надо только с убежденными врагами. А за колеблющихся, сомневающих, возмущающихся несправедливостью надо бороться.

Интернет и выборы: идем дальше

Элла Александровна, в этом году опробовано несколько новых форм голосования. Когда появится «личный кабинет» избирателя, в котором можно будет совершать юридически значимые действия по тем же правилам, что, например, в «личном кабинете» налогоплательщика?

Элла Памфилова: Мы стремительно набираем темп по освоению самых современных избирательных технологий в рамках государственной программы «Цифровая экономика» и уже сейчас внедрили ряд избирательных стандартов, аналогов которым в других странах практически нет. Это, например, видеонаблюдение, и не только на избирательных участках, но и в территориальных комиссиях. Это «Мобильный избиратель» — наше изобретение, наша гордость. Это практически повсеместное применение технологии QR-кодирования, а также многое другое. Что касается «личного кабинета» в его широком понимании и применении, то мы идем к этому, но

сейчас одна из проблем в том, что пока далеко не у всех россиян есть возможность воспользоваться «личным кабинетом». У нас из 108,5 миллиона избирателей на портале госуслуг зарегистрированы менее половины. Чем больше их будет, тем больше появится и электоральных возможностей на портале госуслуг. А это зависит не только от менталитета наших сограждан и их электоральных привычек, но и от процесса повсеместной «интернетизации» страны. Сейчас мы готовим предложения об упрощении сбора и проверки подписей. Хотя данная тема вызвала в ходе последних выборов большое возбуждение в пределах Садового кольца, это не значит, что проблема не созрела в масштабах всей страны. Поэтому мы предлагаем, чтобы все, кто хочет, кто зарегистрирован на портале госуслуг, могли бы ставить подпись в поддержку кандидатов через этот сервис.

Мы провели в Москве, за что ей большое спасибо, два эксперимента: по дистанционному электронному голосованию и голосованию на цифровых избирательных участках, и сейчас очень внимательно анализируем этот опыт. Что касается цифровых избирательных участков, то в этом году их было тридцать. Что это такое? Житель Уфы, который оказался в Москве, мог прийти сюда и проголосовать на выборах главы своего региона. Такого раньше не было, а в этом году так смогли проголосовать жители всех 16 регионов, где проходили губернаторские выборы, которые в день голосования оказались в Москве, а также четырех округов, где были довыборы в Госдуму. В будущем году таких участков будет тысяча по всей России, в 2021 году, к выборам в Госдуму — пять тысяч. Это позволит проголосовать на своих выборах практически всем избирателям, которые в день голосования оказались не у себя дома. Только прошу не путать создание этих цифровых участков для данной категории мобильных избирателей с тотальной цифровизацией всех существующих у нас 97 тысяч участковых избирательных комиссий, где традиционно голосуют люди по месту своей регистрации. Эти процессы идут параллельно и одновременно.

С цифровым участком все понятно. А из дома-то голосовать будем когда?

Элла Памфилова: Вы возвращаете меня к первому, чисто московскому эксперименту по проведению электронного дистанционного голосования на выборах в Мосгордуму. Еще раз подчеркну, хорошо, что Москва стала его инициатором и обеспечила нам по его итогам серьезную базу для размышлений. Понятно, что после одного пилотного проекта несерьезно сразу замахиваться на всю страну. Поэтому эксперимент будет продолжен в тех регионах, которые проявят к нему интерес. Что касается ЦИК России, то, в свою очередь, мы планируем договориться с одним из регионов, где, с одной стороны, есть отдаленные и труднодоступные участки, а с другой, — хорошие возможности для цифровизации, чтобы опробовать еще раз эту технологию.

Для того, чтобы появилась возможность голосовать из дома по всей стране, во-первых, необходима интернетизация, цифровизация всей территории России. Кроме того, необходимо обеспечить полную безопасность от кибератак. Если ГАС «Выборы» автономна от глобальной сети и поэтому неуязвима, то в случае с онлайн-голосованием надо думать, каким образом эту систему обезопасить от возможного внешнего вмешательства. Плюс соблюдение тайны голосования — этот процесс не аналогичен общению с онлайн-банком или налоговой службой, с одной стороны, и полной подконтрольности всего процесса голосования обществу, с другой стороны. Пока мы не найдем ключа к решению этих важнейших, но почти взаимоисключающих друг друга требований, говорить о масштабном дистанционном голосовании рано. И, конечно, традиционные способы голосования должны остаться. Все равно многим людям важно самим прийти на участок, часто — всей семьей, заполнить бюллетень, послушать музыку, пообщаться с соседями. Купить пирожки, наконец! Надо оставить эту возможность, нельзя всех насильно загонять в новую систему. Мы должны обеспечить нашим избирателям дополнительные возможности и право выбора вида голосования.

Какой из новых видов голосования планируется использовать за рубежом?

Элла Памфилова: В ближайшей перспективе — цифровые участки. В этом случае исчезнет необходимость переправлять за рубеж тонны бумажных бюллетеней.

Вопрос по КОИБ. Из Владивостока передают, что якобы существуют программы, с помощью которых можно повлиять на результаты выборов. Что вы об этом думаете?

Элла Памфилова: Именно во Владивостоке мы доказали, что таких программ нет. Если и были у кого сомнения, то мы их полностью сняли, усовершенствовав КОИБ-2010 по аналогии с КОИБ-2017. Более того, по инициативе ЦИК законодателями принята норма, расширяющая возможности ручного пересчета в случаях, если возникли сомнения. На самом деле КОИБ очень востребованы, но и это уже вчерашний день. Мы идем дальше. На цифровых участках у нас использовались новые терминалы для голосования, без бумажных бюллетеней. Бюллетень открывается на экране в электронном виде — производители предлагают уже более совершенные электронные устройства, которые позволят нам уйти вперед по сравнению с КОИБ.

Нарушения и «фейки»: отслеживаем с пристрастием и реагируем

В день выборов движение «Голос» публиковало так называемую карту нарушений, в которой были десятки откровенных «фейков». Как надо бороться с ложной информацией о нарушениях? Нужны ли какие-то изменения?

Элла Памфилова: Не вижу необходимости что-то еще законодательно ужесточать. Поскольку наблюдательские сообщества, и далеко не без нашей помощи, стремительно развиваются, то вопросы соблюдения этических норм наблюдения все в большей степени будут решаться на принципах саморегулирования внутри самих сообществ. А мы шаг за шагом создаем для них максимально благоприятные условия. Мы взаимодействуем со всеми, в том числе и с движением «Голос», никого не отвергаем. И всегда благодарим наблюдателей, когда они помогают выявлять или предотвращать нарушения. Но с другой стороны, мы последовательно, твердо и беспощадно будем продолжать выявлять ложную и недостоверную информацию о якобы «нарушениях». И если видим, что идет вал фейковых сообщений, — реагируем.

Что касается движения «Голос», то раньше у них была монополия на истину, — все, что отображалось на карте нарушений, многими принималось на веру, особенно за рубежом. Ни одно международное мероприятие по выборам, где нас учили жить, не обходилось без участия представителей «Голоса». А сейчас и среди наблюдательских организаций появилась конкуренция, что хорошо, поскольку повышается и качество, и достоверность наблюдения. Мы с большим пристрастием отслеживаем и проверяем информацию о возможных нарушениях, включая то, что появляется на так называемой карте нарушений «Голоса». Было бы корректнее назвать это «картой сообщений о возможных нарушениях», что я неоднократно и рекомендовала. Еще раз подчеркну: мы благодарим всех, кто помогает выявлять реальные нарушения, но мы не позволим запускать дезинформационную волну в целях дискредитации российских выборов. Все обнародуем. Так же, как показываем, с одной стороны, нарушения на выборах, точно так же будем вытаскивать за ушко да на солнышко тех, кто фабрикует мнимые «фальсификации», всех «фейкмейкеров» по «нарушениям». Эта тактика работает эффективно и набирает обороты.

А как сам «Голос» объясняет свои фейки?

Элла Памфилова: В день подведения итогов мы пригласили Григория Мельконьянца, сопредседателя движения «Голос», чтобы он смог представить свою точку зрения. Основной вопрос, которым он задался, выступая с трибуны, каким образом ЦИК России удалось выудить эти продублированные

с прошлых лет сообщения, которые выдавались за «свежие» нарушения? При этом он затруднился объяснить природу их появления.

Я ценю Григория Аркадьевича как высокого профессионала, которого мы и дальше намерены привлекать к обсуждению и подготовке нормативных документов, но в данном случае «Голосу» не помешало бы изменить принцип размещения информации на «карте нарушений», повысив ответственность корреспондентов за достоверность присылаемых сообщений. Сейчас у них как? Почти все, что присылается, собирается и публикуется чаще всего от анонимных адресатов. А люди из разных соображений могут писать. Могут и специально, чтобы показать «ужасы на выборах». А могут и для того, чтобы дискредитировать их работу. В итоге «карта нарушений» местами превращается в информационную «помойку», и обижаться в этом случае следует в основном на себя. Если вы хотите, чтобы вам доверяли, то сократите адресатов до тех, кто готов идентифицироваться и нести ответственность за свои сообщения. Тогда и у нас будет больше возможностей оперативно реагировать на серьезные нарушения, а не тратить огромные силы и время на то, чтобы копать в информационном мусоре.

Выборы в Москве: закон и справедливость

Давайте поговорим о выборах в Москве. В некоторых округах победили кандидаты, которые никакой кампании практически не вели. Многие говорят, что это случилось из-за отсутствия графы «против всех». Может, стоит вернуть ее в бюллетень?

Элла Памфилова: Графа «против всех» актуальна тогда, когда у избирателей ограничен выбор, когда среди кандидатов нет представителей от значительных групп людей. Они не видят своего кандидата, но как активные граждане, считают важным использовать гарантированное Конституцией право избирать. И тогда графа «против всех» — это выход, избиратели таким образом реализуют свою гражданскую позицию. Но когда есть конкуренция, когда представлен весь спектр, отражающий интересы избирателей, тогда она не актуальна. Что касается московских выборов, то я знаю только об одном случае, когда в одном из округов победил тезка-однофамилец более «раскрученного», но незарегистрированного кандидата из другого округа. А в целом на московских выборах совсем другие причины вывели в победители тех или иных кандидатов. И отсутствие графы «против всех» здесь ни при чем.

Вы чувствовали давление с какой-либо стороны, когда разбирали заявления незарегистрированных кандидатов в Мосгордуму?

Элла Памфилова: Давление было со стороны тех, кто требовал допустить к выборам «истинную оппозицию» в количестве тринадцати человек на привилегированных условиях, — всех вместе, без полагающихся по закону проверок подписей и всех документов в целом. Это такое моральное, психологическое давление, когда соцсети переполнены оскорблениями, клеветой, угрозами, ложью и т.д. Я и мои коллеги к этому отнеслись стойко.

ЦИК России стоит на страже закона, а как со справедливостью? Где для вас справедливость и закон? Если они не совпадают, может, лучше поступить не по закону, но справедливо?

Элла Памфилова: Мы коллегиальный орган, и не можем себе позволить такую роскошь. Даже если закон в ряде случаев несправедлив, мы обязаны его исполнять. Например, есть нормы, в той или иной степени ограничивающие реальную конкуренцию. Кто в этом случае проигрывает в первую очередь? Проигрывают наши избиратели, получая слабого руководителя. В ряде случаев нормы недостаточно точны, есть серые лакуны, позволяющие произвольно трактовать эти нормы в ту или иную сторону.

Мы с этим не миримся — ЦИК является инициатором ряда предложений. В России всегда был запрос на справедливость не только социальную, но и правовую. Любую! А сейчас эта тема особенно обострилась. Поэтому законы должны быть умны, современны, понятны, точны и справедливы. Пусть не все и сразу, но стремиться к этому необходимо. Но есть и обратная сторона «справедливости-несправедливости». Наверное, было бы приятно, если бы «истинная» оппозиция нас нахвалила: «Ой, какая Памфилова и ее коллеги по ЦИК молодцы — всех зарегистрировали». Но, например, как можно не заполнить справку об обязательствах по зарубежному имуществу? Как можно не заметить грубое нарушение закона при заверении у нотариуса списка сборщиков подписей? И что, было бы справедливо, если бы мы закрыли на это глаза?!

При рассмотрении в ЦИК России апелляций на отказ в регистрации со стороны Мосгоризбиркома сами оппозиционеры или их представители заявляли: мол, «мы знаем, что близких к власти кандидатов зарегистрировали просто так, подписи они не собирали, а если собирали, то у них не проверяли. Мы тоже так хотим!» Правда, до сих пор никто не представил доказательств, что «провластных» кандидатов регистрировали таким образом, но даже если бы это и было так, то чем тогда вы лучше нынешней власти, которую обвиняете во всех грехах, если требуете для себя, прежде чем стать «честными» борцами за справедливость, нечестной привилегированной регистрации?

Петербург: муниципальные выборы — фактически в ручном управлении

Какая кампания оказалась для вас самой сложной?

Элла Памфилова: Свыше 85 процентов нашего времени и сил было затрачено на кампанию, к которой мы по закону практически не имеем отношения — на муниципальные выборы в Санкт-Петербурге.

Наши специалисты, включая членов ЦИК России, почти все время там находились, пытаюсь остановить муниципально-электоральный бандитизм. Выборы в Санкт-Петербурге никак не избавятся от застарелых родовых травм. На днях мы смотрели архив, оказалось, что многие аналогичные проблемы на выборах в Санкт-Петербурге были и 25 лет назад, но не в такой степени, как ныне. Чтобы обеспечить доступ к выборам только «своим», прятали участки, давали не те адреса. Кандидаты идут сдавать документы, а некуда. Закрывали участки. Когда поступили первые жалобы, мы направили в ряд ИКМО наших сотрудников и членов ЦИК. Навстречу выходили «братки» и преграждали дорогу. Ни руководства муниципалитетов, ни сотрудников правоохранительных органов невозможно было днем с огнем отыскать. В результате на всех этапах приходилось вмешиваться: регистрации, подсчета голосов, ввода данных протоколов в ГАС «Выборы».

Фактически в ручном управлении?

Элла Памфилова: Да. Пришлось делать специальное заявление, это беспрецедентная вещь: длительно не вводят итоги в ГАС «Выборы», есть попытки опять «пересчитать» бюллетени, если не понравился расклад. К сожалению, мы не видим ответа правоохранительных органов Санкт-Петербурга, хотя материалы направляли неоднократно, но пока реакции нет. Как следствие — полная безнаказанность породила беспрецедентное хамство, наглость, преступное пренебрежение законом. В связи со сложившейся ситуацией мы подготовили пакет предложений о реформировании всей этой системы.

Конкретно по Санкт-Петербургу?

Элла Памфилова: Не только, в той или иной степени эта проблема есть везде. Если так сложилось, что ЦИК России несет ответственность за выборы в целом, то у нас должны быть реальные полномочия, а не птичьи права.

Личный вопрос

Всех потрясли сообщения о нападении на вас накануне выборов. Поясните, что же случилось? У вас есть охрана?

Элла Памфилова: Не все — некоторые «истинные оппозиционеры» злорадствовали, а кое-кто со знанием дела утверждал, что это я сама на себя напала, что это инсценировка. Я пропускаю мимо себя всю желчь и злобу этих людей — Господь им судья, — но я никому, в том числе и им, не желаю пережить подобную «инсценировку». Что касается охраны, то у меня никогда ее не было, и сейчас нет. В представлении некоторых людей, если ты обладаешь таким статусом, как я, значит, обязательно должен жить на Рублевке, за семью высокими заборами и за пятью постами охраны. Но я живу как все люди среднего достатка, какой и себя считаю. И у меня это единственное жилье. Для того чтобы построить этот дом, как я его называю, домик моей мечты, я продала единственную московскую квартиру и свою дачу под Истрой. И живу там уже два года. Конечно, я думала о том, чтобы хотя бы элементарную какую-то сигнализацию поставить, но руки так и не дошли за эти два тяжелейших для меня во всех смыслах года. Сейчас, конечно, уже озаботилась, жаль, что поздно, но хорошо, что все так обошлось, — могло быть гораздо хуже.

Позже я поняла, что проснулась, когда он только влез, еще не сориентировался. Хорошо, что у меня нервы крепкие, — сначала очень испугалась, а когда он напал на меня и я осознала, какой для меня может быть конец, то откуда-то такие силы и ярость взялись, что я не только стала отбиваться от ударов, но и сама на него накинулась. Терять-то уже было нечего. Потом всю ночь у меня дома работали оперативники, но я с утра взяла себя в руки, думаю, никому не скажу о случившемся, поехала на международную конференцию.